

ЗАСЛОН

Литрес

И свет рождается во тьме

Дионисий Козлов

Дионисий Козлов
И свет рождается во тьме

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69287602

SelfPub; 2023

Аннотация

Мир претерпел космическую катастрофу. И людям приходится жить и работать совсем в других условиях.

Содержание

00	4
01	7
02	15
03	25
04	38

Дионисий Козлов

И свет рождается во тьме

00

– Гони! Гони!

Дмитрий держался одной рукой за скобу, приваренную к борту кузова. Другой рукой вцепился в пластиковый контейнер, который так и не успели закрепить.

– Прорвёмся! – прокричал я в ответ.

– Прорвёмся! – прокричал в ответ Дмитрий. – Артиллерия на подходе!

Я, как и Дмитрий, держался и за скобу, и за контейнер.

Наша машина мчалась вперёд, ревела и подпрыгивала на ухабах. Пыль и грязь вылетали из-под колёс, двигатель чадил, выпуская клубы чёрного дыма.

За нами ехал ещё один грузовик, рядом джип группы сопровождения с пулемётной установкой. Ребята, успевшие поднять на борт свои контейнеры и закрепившие их, помогали группе огневой поддержки. Они из автоматов на полном ходу стреляли одиночными выстрелами в приближающуюся визжащую массу, состоявшую сплошь из уродливых тел. Из джипа пулемётчик прицельно посылал короткие очереди. Яркие пунктиры трассирующих пуль пронизывали воздух и

врезались в мутантов. Те падали, и в том месте на несколько мгновений с визгом затевалась борьба за лакомый кусок от павшего собрата, но гомонящая живая масса тут же обходила их или прокладывала путь прямо по ним.

До периметра оставалось всего ничего, а нам навстречу уже торопились два бронетранспортера на гусеничном ходу. Как только они поравнялись с нами, с турелей, свисающих чуть ли не до самой земли, заработали многоствольные пулемёты. Они заходили из стороны в сторону, посылая очереди в надвигающуюся массу. Тяжёлые пули прошивали насквозь сразу несколько особей. Уродливые тела мутантов разрывало в клочья, их собратья инстинктивно накидывались на свежее мясо и тут же падали под перекрёстным огнём.

Пять минут. Долгих пять минут непрерывной стрельбы по безумным тварям возымели своё действие, и волна живой массы остановилась.

Те особи, что оказались поумнее, кинулись наутёк. Похоже, что они решили немного поголодать, чем наскоро перекусить и тут же пасть смертью храбрых. В конце концов даже у этих тварей был хоть какой-то инстинкт самосохранения.

Для меня это оказалось в диковинку. Говорили, что всё будет тихо и спокойно. Приедем, наберём, уедем.

Но крысы появились внезапно. Слава нашим дозорным, вовремя заметившим надвигающуюся угрозу. Ребята из соседнего грузовика успели поднять контейнеры и закрепить их, а мы свои контейнеры просто закинули в кузов. И сейчас

ехали и держали их.

Думаю, как мы отвезём эту партию кристаллов, то обязательно вернёмся за оставшимися.

А сейчас наша дорога шла из Хмари в Сумрак, домой.

Мы с Дмитрием шли по лесной тропинке. Я светил перед собой фонариком, то и дело потряхивая его. Пружины плохо прижимали кристалл к посадочному месту, и лампа в фонарике постоянно гасла.

– Слушай, – спросил Дмитрий. – Когда ты, наконец, уже починишь свой фонарь?

– Ай, – я махнул рукой. – Потом починю.

– Ты каждый раз так говоришь, – усмехнулся Дмитрий. – Пожалуй, подарю тебе на день рождения фонарь.

Я развернулся и посветил в лицо сначала Дмитрию, затем себе. Сощурился и многозначительно посмотрел на друга.

– Замётано. С нетерпением буду ждать.

И направил фонарь с тропинки на ближайšie деревья.

Луч освещал участок земли и как будто натыкался на чёрную стену, из которой торчали ветви с листьями. Но стоило сделать шаг, как стена отодвигалась, и появлялось скрытое во тьме продолжение. Ещё шаг, и показывалось целое дерево.

Поначалу я удивлялся этому эффекту и, как человек, сомневающийся и ищущий, пытался разгадать физику этого явления.

Какой бы мощности я ни брал лампы, десять ватт или две-

сти, результат всегда получался один и тот же – луч от источника проходил тринадцать целых и четыре десятых метра. Ни больше, ни меньше. Фотоны, достигая невидимой границы, исчезали в воздухе вопреки всем законам физики.

Этот эффект назвали эффектом "колпака", так как источник света создавал вокруг себя освещённое пространство в виде чёткой полусферы. И что попадало в её границы, то и было видно. При передвижении создавалось впечатление, будто растения и предметы выступают из чёрной-чёрной воды, а сзади утопают в ней.

Учёные ломали голову, что именно заставляет фотоны вести себя таким образом. Может, воздух поменял свои свойства? Может сама физика мира изменилась?

С тех пор, как мир погрузился во тьму, свет и радиоволны изменили свои физические свойства. Однако звук распространялся в воздушном пространстве, как и раньше. В конце концов, что такое звук? Это колебания упругих волн в воздушной среде. И в зависимости от силы эти колебания способны преодолеть вполне приличное расстояние.

Мы возвращались из очередной разведывательной экспедиции. По звуку работающего двигателя определили, что машина нас дожидается метрах в тридцати.

Каждый раз, подходя к вездеходу, я наблюдал интересный эффект. Я направлял в сторону машины луч фонаря и шаг за шагом приближался к ней. И вот, сделав очередной шаг, я наблюдал, как впереди у самой земли появлялся просвет

в виде маленькой световой арки. С каждый шагом арка становилась шире и выше, а с другой стороны показывался источник света и всё, что находилось вокруг него.

Дмитрий рассуждал:

– Пусть мы находимся в одной полусфере, – говорил он. – Тогда вездеход будет находиться в другой. Когда мы приближаемся друг к другу, основания полусфер накладываются, и световые области объединяются. Можно представить себе два мыльных пузыря, соединённых между собой. Между ними образовывается перегородка. А если в один ряд соединить три, четыре или пять полусфер, то дальность видения возрастает до самого края последней полусферы.

Окно, образовавшееся от слияния двух световых полусфер, увеличилось, и мы увидели наш шестиколёсный вездеход.

– Ага! Вот и пионеры вернулись! – Воскликнул Ник. – Как сходили? Что нового?

Дмитрий махнул рукой:

– Ничего нового. Лес, звериные тропы. До села не дошли. Нужно отдельно разведкой идти.

– Да, – согласился Ник. – Кстати, передавали на завтра слабую силовую активность. Похоже, поедем в Хмарь кристаллы собирать.

– Да? – переспросил Дмитрий, усаживаясь на переднее место. – Что ж, я готов. А ты, Вить, – он, обернувшись, посмотрел меня. – Был когда-нибудь в Хмари?

– Я? Да как-то не приходилось ни разу. И здесь работы хватает.

– Работы хватает, – передразнил Дмитрий. – А у нас людей не хватает. Вот схожу к начальству и выпрошу тебя. Хватит тебе уже киснуть в лаборатории. Прогулялся бы.

Я забрался в машину и захлопнул дверцу вездехода.

– Да право слово не знаю, – промямлил я.

– Решено. Вот пойду и спрошу!

Машина, вырулив на шоссе, резво помчалась по дороге. На мониторе замелькали вешки, указывающие края дорожного полотна.

Через некоторое время Нику показалось молчание тягостным.

– Какие же вы молодцы, – сказал он. – Как бы мы без вас ездили.

– Потихонечку, полегонечку, – ответил Дмитрий.

– Нет, – протянул Ник. – Не умеем мы потихонечку. Нам гонять надо. А без вашей работы, без ваших дорожных маяков, я бы давно улетел в кювет и там бы валялся, пока за мной кто-нибудь не приехал бы.

Этим мы и занимались в свободное от основной работы время: исследовали, расчищали дороги, расставляли направляющие каждые пятьдесят метров. Именно предварительная разведка и установка вешек позволяла передвигаться по дорогам достаточно быстро.

Институтские электронщики придумали что-то вроде све-

тового радара. Камера фиксирует на столбиках возвращенный от фар свет и передает информацию на процессор. Тот рисует на экране дорогу и её направление. Если дорога изгибается, то с той или иной стороны вешки ставятся чаще.

И хоть дорога эта уже была давно ежена-переежена, однако Дмитрий всё равно предостерёг нашего водителя.

– Тише, Ник, не гони. Торопиться некуда.

– Как так некуда? – удивился тот. – Некуда – это когда дома нет. А когда есть дом, значит, есть, куда. Дом это родители: папа, мама. Вот у тебя есть папа с мамой?

– К чему вопрос? Я уже взрослый. Но да, есть.

– А у тебя, Вить?

– А у Виктора отец десять лет назад в командировку ушёл, – ответил за меня Дмитрий. – Да вот, из-за всего этого и не вернулся.

– Эх, – вздохнул Ник. – Наверное, он где-то там, как мы. А хотел бы, чтобы он вот взял да и вернулся?

Ник посмотрел на меня.

– Спрашиваешь, – протянул я.

– На дорогу смотри, – одёрнул Дмитрий нашего водителя.

– Ай, я здесь не первый раз проезжаю. И не десятый. Ты, Дмитрий, лучше свяжись с пятой бригадой. Мы сейчас за ними заедем.

Дмитрий угукнул и достал рацию. Связь была великолепной. Он дождался ответа и сообщил ребятам, чтобы те готовились к нашему приезду.

На мониторе с одной стороны дороги вешки замелькали чаще. Бортовой навигатор нарисовал перекресток.

Ник снизил скорость и вырулил вездеход на примыкающую дорогу.

Вскоре мы остановились перед довольно высокими железными воротами. Маленькая проходная с окошечком и дверью одиноко смотрелась на фоне высоких ворот. По обе стороны от них во тьму уходил такой же высокий забор с вьющейся поверху колючей проволокой.

Дмитрий вылез из вездехода, подошёл к воротам и ткнул фонарём в табличку с надписью, тиснёную золотыми буквами, «Химический завод имени Дмитрия Ивановича Менделеева. Построен в 1962 году».

– Ну, конечно же, – сказал он. – Чьим ещё именем можно назвать химический завод? Мичурину здесь делать нечего, это вам не садовые участки.

– Ага, – поддакнул Ник, и нажал на кнопку сигнала.

Тишину нарушил гудок.

– Тьфу ты, – ругнулся Дмитрий. – Предупреждать надо. Чуть сердце не остановилось. Не делай так больше!

Ник засмеялся.

– Ладно, ладно, не буду.

Они ещё какое-то время пререкались друг с другом, как дверь проходной отворилась, и оттуда вышли двое.

Это были Сергей и Андрей из пятой бригады. Они проводили поисковые работы на некогда работающем, но ныне

пугающем химическом предприятии.

На них были лёгкие защитные комбинезоны, в руках довольно вместительные металлические контейнеры, похожие на старинные саквояжи. Попав в яркое освещение прожекторов вездехода, вышедшие выключили на гермошлемах фонари.

– Как у вас дела? – спросил я, открыв дверь.

Я так и остался сидеть в машине. Выходить из вездехода не было никакой охоты.

– Отлично! – Сергей поставил свой контейнер на землю. – Сегодня не особо много нового. Место вполне безопасное, но в некоторых местах наблюдался всплеск гамма-активности, что очень странно.

– Почему странно? – поинтересовался я.

– С учётом того, что общий фон у нас нулевой, а допустимый фон раньше был от двух до трёх десятых микроЗиверта в час, то точно в некоторых местах фон достигает аж пяти-шести.

– И что же за аномалия даёт такую активность?

– А вот вы в лаборатории и разберётесь. Образцы здесь, – и Сергей указал на контейнер, стоящий у его ног.

– Посмотрим, – вяло сказал я. – Но скорее всего ректор образцы в "Заслон" отправит. Там ребята головастые. А мы что, так.

– Так, не так, – подскочил Андрей, – А вы важную работу тоже делаете. А ну, давай, полезай в кузов. – Андрей звонко

хлопнул по спине Сергея. – Домой пора. И есть уже охота. Вон, и Витька уже кимарит. Того гляди, заснёт на ходу.

Ребята закинули свои контейнеры в кузов, а сами забрались на заднее сиденье.

Мне и вправду хотелось спать. Лёг поздно, встал рано.

Когда ребята расселись по местам, Ник спросил:

– Ну, что? Все на месте?

– Все.

– Тогда поехали!

И машина тронулась с места. На экране снова замелькали вешки, а у меня закрылись глаза, и я уснул.

Темнота. Абсолютная темнота. Ни малейшего просветления, не говоря о том, что и звёзд даже не видно. Как будто сидишь в комнате без окон с наглухо запертой дверью, и ничто не может потревожить мрак, мрак, который поглощает всё.

Когда прогресс стремительно развивался, люди не отличались особой сплочённостью. Когда мир после расцвета грозил падением, он ни во что не вникал и продолжал жить по своим законам. Когда проповедники различных верований взывали к своим народам о близкой расплате, тогда всё это и произошло. Но сейчас это не имеет ни малейшего значения. Из того, что раньше было, теперь уже многого не существует...

Одни люди утверждали, что это шутка космоса, прихоть природы, другие говорили, что это кара Господня и начало конца последних времён. Третьи только удивлялись фантастичности случившейся катастрофы.

Много учёных приехало в тот знаменательный день чуть ли не со всей Земли: из Америки, Англии, Франции, Германии, Японии, Китая, даже из стран Африки. Физики, астрономы, корреспонденты, телерепортёры. Каждый хотел передать на свою родину из первых рук информацию о великой сенсации, сенсации не то что века, всей истории челове-

ства.

Уже за три месяца газеты пестрили статьями о летящем сквозь Солнечную систему громаднейшем астероиде неизвестного происхождения. По расчётам астрономов астероид должен пролететь вблизи Земли около трёхсот тысяч километров около двадцати трёх часов по Московскому времени, где Москва оказывалась ближайшей точкой Земного шара, расположенной под траекторией небесного посланца. Как сообщили учёные, его можно будет наблюдать не только в телескопы и бинокли, но и невооружённым глазом.

За год до этого, когда астероид только-только подлетал к Солнечной системе, первыми заметили его астрономы из Северной Америки и успели дать ему грозное имя «Армагеддон», так как по их расчетам путь его проходил в опасной близости от Земли. И они могли бы быть не правы, если бы не одно но...

Когда астероид летел к Земле, американским правительством было решено перестраховаться и избавить нашу планету от случайного столкновения. Они заблаговременно запустили ракету с мощным ядерным зарядом и взорвали астероид, и тот разделился на несколько частей. Казалось, что траектория расколовшегося астероида, была изменена, и Земле уже ничего не угрожало, но спустя некоторое время пять огромных фрагментов вопреки законам физики изменили направление и полетели в сторону планеты.

Весь мир наблюдал, как гигантские глыбы медленно при-

ближаются к земному шару, входят в атмосферу и медленно падают на территории России, оставляя след в ночном небе.

Один фрагмент упал недалеко от Перми, второй, перелетев Уральские горы, упал в Красноярском крае, где-то в бассейне реки Подкаменная Тунгуска, третий на севере России, в Норильске, четвёртый недалеко от Байкала, а пятый, пролетев по инерции, упал где-то за Якутском. И был вопрос у научного мира, а упали ли они или приземлились? Потому что катастрофы, что непременно должна была случиться от столкновения земной поверхностью, не произошло.

Через несколько дней, когда прошёл первый шок, и всемирная газетная шумиха немного поутихла, питерский научно-исследовательский институт изучения космоса совместно с научно-техническим центром «Заслон» отправили экспедицию для изучения ближайшего обломка.

В том институте работал мой отец. Он тогда привёз меня с мамой в институтский городок, а сам с группой улетел в Пермь. Оттуда уже на внедорожниках попали к месту падения метеорита.

Поначалу зрелище своими масштабами потрясло до глубины.

При падении метеорит по инерции продолжал вращаться. Он продавил под собой землю метров на сто и раскидал её по сторонам, создав кратер. Затем остановился, просел и застыл дымящейся диковинной горой.

Позже жители ближайших поселений рассказывали, как

содрогнулась под ногами земля, а в домах заходили ходуном люстры.

Когда же всё успокоилось, люди увидели огромную гору, выбивающуюся из общей картины мира. Да, здесь Урал, горы, вот они, рукой подать, но они по сравнению с этим исполинским обломком выглядели чуть ли не пигмейскими. Если взять среднюю высоту уральских гор, 1300-1400 метров, и гору Народная, имеющую 1895 метров, то обломок небесного тела был ещё выше. Он представлял из себя циклопическую пирамиду высотой больше двух километров, с подозрительно ровными гранями и правильными ребрами. И склоны этой горы до сих пор дымились, и местами вспыхивали языки сине-зеленого пламени.

Через несколько дней метеорит более или менее остыл, и к нему кое-как удалось подобраться поближе.

Постепенно окружающее пространство чудо-горы наполнилось множеством исследовательских групп из разных стран и превратилось в паломническую мекку для туристов.

Ушлые предприниматели тут же организовывали турпоездки и турпоходы. Кто-то пустил слух о чудодейственных свойствах метеорита. Тогда собирались небольшие группы людей и на лоне природы организовывались оздоровительные сеансы в прямой видимости от космической горы. Липовые врачи тут же прописывали лечение горным воздухом и магнитным полем, заявляя, что близость к метеориту избавляет от самых разных болезней. А между сеансами по-

или чаем, читали свои лекции о пользе энергии из космоса и просто релаксировали под приятную музыку. Художники расписывали маслом на холстах портрет небесного гостя, щедро добавляя несуществующих красок.

За несколько недель в зоне падения метеорита никаких особых происшествий не случилось. Жизнь шла своим чередом, люди свыклись с соседством исполинской пирамиды.

Отец тогда собрал фото и видеоматериалы и данные, зафиксированные электронной аппаратурой, и отвёз в институт. Побыв с нами немного, снова улетел в Пермь.

Через неделю в институт пришло сообщение, что метеорит начал издавать звуки низкой частоты. Их длительность была короткой, а частота настолько низкой, что под ногами чувствовалась лёгкая вибрация земли. Затем она прекращалась, как будто кто-то выключал рубильник гигантского трансформатора. На полчаса наступала тишина, и метеорит снова начинал гудеть.

Потом наблюдения показали ещё один интересный факт. Сразу после того, как гул и вибрация от метеорита прекращались, в эфире наступала тишина, как будто все радиостанции разом прекращали своё вещание. Эфир был абсолютно пуст. Даже не было того шипения, которое раздаётся в динамике, когда приёмник ничего не ловит. Но это происходило только рядом с небесным посланцем. Стоило только отдалиться от него на полкилометра, как не слышался гул, не дрожала земля, а радио ловило, как и прежде.

Кроме периодических вибраций почвы и исчезновения всех радиосигналов, были зафиксированы изменения в радиационном фоне. В первые дни средний уровень немного зашкаливал, что фиксировали дозиметры, но позднее, когда метеорит начал остывать, уровень радиации ослабел. В разных местах на разной удалённости можно было замерять от пяти до четырнадцати сотых микрозиверта. А возле метеорита после того, как гудение прекращалось, фон чуть ли не падал совсем. Как будто кто-то брал колпак из свинца и накрывал им всё граничащее с ним пространство.

После того, как циклопическая пирамида остыла, и к ней уже можно было подобраться поближе, с разных участков были взяты первые пробы с её поверхности в виде отколовшихся фрагментов.

Камни странного вещества, не поддающегося анализу в полевых условиях, были собраны и для дальнейших исследований отвезены отцом в институт. Он приезжал из экспедиции во второй раз. Когда привёз тяжёлый контейнер с образцами, оставил маме стопку исписанных им тетрадей с наблюдениями и зарисовками, а мне вручил один большой кусок, который я торжественно водрузил на полку.

А через несколько дней, когда отец снова уехал, с места исследований прислали очередной доклад.

К последовательным периодам вибрации добавился ещё один элемент. Примерно раз в четыре часа в гигантской пирамиде как будто что-то начинало раскручиваться и издавать

звук в виде характерного жужжания. Звук сначала был низким, затем постепенно повышался. Повысившись же до еле слышимого человеком диапазона, пропал, и через некоторое время раздавался мощный подземный удар.

Сейсмографы зашкаливало, и они фиксировали на глубине около шестидесяти километров мощный толчок.

С других мест исследований таких же циклопических пирамид начали поступать сообщения об аналогичном поведении их объектов. Учёные повторяли одно и то же. Что происходило здесь, происходило и у них. Учитывая разные часовые пояса, для чистоты эксперимента выставили часы на одно время вплоть до секунды. И как только метеорит осуществлял очередной подземный удар, определили, что все пять пирамид делают это абсолютно синхронно. Это было невероятно. Раскинутые на тысячи километров обломки астероида совершали одни и те же действия одновременно. Как будто бы кто-то включал и выключал рубильник двух приборов, находящихся рядом в одной цепи.

Кроме научного, в шок повергли и последние международные новости.

По всей Земле начали происходить геологические возмущения. В России вулкан Безымянный выбросил на десятикилометровую высоту столб пепла, после чего из него стала вытекать горящая лава.

В Италии проснулись спящие до этого вулканы Альбан-Хиллз, что в двадцати километрах к юго-востоку от Ри-

ма, и Кампи Флегрей на краю Неаполя. Первый, как говорят учёные, спал на протяжении тридцати тысяч лет, а второй извергался последний раз в 1538 году.

В Южной Америке проснулся Утурунку, расположенный в Боливии. Там же, но в Чили, в кальдере Лагуна-дель-Мауле разверзлась земля, и из гигантского провала фонтаном забила магма.

На одном из островов гавайского архипелага проснулся ныне спящий вулкан Мауна-Лоа, а на самом острове Гавайи начал более интенсивно извергаться Килауэа.

В Японии в последний раз извергающийся в 1707 году Фудзияма выбросил на высоту в десять километров столб пепла.

А в Северной Америке в заповеднике штата Вайоминг оглушительно взорвался Йеллоустоун, раскидав на многие километры горы земли и превратив полштата в огромную дыру, наполняющуюся дымом и жидкой лавой.

По всей Земле местами прокатились землетрясения. Участки суши из сейсмоустойчивых перешли в категорию сейсмоопасных. И самыми первыми начали рушиться высотные здания. Не обошло стороной и атомные электростанции. Так, в Японии из-за подвижек грунта была разрушена АЭС "Фукусима". В Канаде прекратили своё существование мощная "Брус" и поменьше "Пикеринг".

В США в "Пало Верде" произошло обрушение участка земли и разрушился охладительный контур.

Во Франции удалось остановить два реактора "Катном" и "Трикастен", однако ещё у двух "Гравелин" и "Палюэль" заклинили аварийные механизмы.

В тех местах, где случались аварии, и реакция распада в реакторах становилась неуправляемой, прогремели взрывы, распространяя вокруг смертоносную пыль. Во всём мире постепенно стал подниматься уровень радиации.

После продолжительных землетрясений под воду ушли Италия и Индийский полуостров.

А пока по радио и телевидению передавали последние сводки новостей, а в аналитических программах обсуждали серьезность всего случившегося, с пирамидами случилось нечто. Они в последний раз синхронно ударили и смолкли. Но через некоторое время издали странный звук, которого не было до сих пор, и из каждой в небо ударили мощные сгустки лучей голубого света. Лучи четырёх пирамид изогнулись дугой, освещая облака. Охватывая своим светом спутники, пролетающие мимо, лучи концами соединились в самом центре. Позже учёные, воочию наблюдавшие сей феномен, рассказывали, что когда все лучи соединились в центральном исполинском образовании, оно почернело, будто бы на его месте возникла чёрная дыра. Это чернота начала увеличиваться и разрастаться, поглощая собой пространство, и с бешеной скоростью понеслась во все стороны. Кто-то завопил, кто-то побежал, кто-то запрыгнул в автомобиль и поехал прочь. Но темнота шла вперёд, пока собой не по-

глотила всё на своём пути.

Вставать снова пришлось рано. Дмитрий, как и обещал, сходил к начальству и попросил меня к нему в напарники.

Так-то у меня есть работа в лаборатории. Я занимаюсь активацией и обогащением кристаллов для производственных нужд института. В основном кристаллы применяются как мощные источники питания для различных приборов, в том числе и осветительных. А когда у меня работы нет, мы с Дмитрием расчищаем дороги и вдоль них расставляем ориентирные вешки.

Во время слабой силовой активности Дмитрий со своей группой отправлялся добывать эти самые кристаллами. А сейчас как будто специально всё совпало. Силовая активность в Хмари на минимуме, значит, у Дмитрия появилась работа. У меня закончился материал, и работать оказалось не с чем. Если бы не Дмитрий, я бы слонялся по институту и страдал от безделья. А он, вон, что придумал. Да и, думаю, мне было бы полезно посмотреть, из какого карьера добываются кристаллы.

Мы ехали в поезде уже полтора часа. Активность метеорита слабела, воздух становился прозрачнее, и из чёрного постепенно превращался в серое. А самое интересное было то, что я видел пространство гораздо дальше. Я прилип к ок-

ну вагона и, не отрываясь, смотрел за тем, что происходит снаружи.

Мимо пролетали силуэты деревьев, кустов, мелькали железнодорожные столбы.

– Смотри, смотри, – говорил Дмитрий. – Когда ещё сюда приедешь. Ты, Витька, я так понял, в первый раз?

– Угу, – подтвердил я. – Никогда такого ещё не видел.

– А представь, – продолжал Дмитрий, – раньше это было в порядке вещей. Перед утром был рассвет, и становилось видно всё. Сейчас мы выезжаем из зоны влияния метеорита. Через пятнадцать минут будет ещё светлее. А если проехать ещё час, будет светло-светло, как раньше днём. Но нам туда нельзя.

– Это почему же? – спросил я.

– Там радиация зашкаливает, а наши лёгкие костюмы сделаны для Хмари и то при слабой активности. Научники, когда выезжают, в основном работают в передвижных лабораториях. У них защита высшего класса.

Я отметил, что небо начало светлеть. Уже из тёмной серости проявлялись цвета, и я мог различить зелень деревьев. Наш поезд сбавил ход. Теперь отчётливо стали видны цветы. Красные, жёлтые, фиолетовые, белые. Всё поле, мимо которого мы проезжали, было усеяно цветами.

Поезд остановился.

– Ну, всё, господа, приехали, – сообщил Дмитрий. – Сергей, Андрей, вы уже матёрые сборщики, вам командир не ну-

жен. Не забудьте корма взять. А мы с Виктором потихонечку.

– А что, Вить, ты в первый раз здесь? – удивлённо спросил у меня Сергей.

– Ну, да, а что такого?

– О, – хохотнул Андрей. – Поздравляю. Столько интересного увидишь! Если честно, то я тебе немного завидую.

– Да, – протянул Сергей. – Помню свой первый раз. А сейчас всё как-то однообразно и рутинно.

– Прекратить разговорчики! Однообразно им, рутинно, понимаешь, – Дмитрий подхватил два пустых пластиковых контейнера. – Значит так, выходим и рассаживаемся по машинам. Ник, просыпайся, помоги Витьке корма перенести в машину.

– Да не сплю я, не сплю, – из-за сидений показался зевающий Ник. – Помогу, чего уж там.

И мы всем гуртом, подхватив контейнеры, высыпали из вагона.

На небольшой платформе из поезда собирались сотрудники нашего института. Кого-то я знал, кого-то только видел, а кого-то вообще видел в первый раз. Судя по форме, были люди и из "Заслона". Они снабжали наш институт новейшими разработками. Сейчас, видимо, решили помочь нам в сборе кристаллов.

– Значит, так, – сказал Дмитрий. – Наши машины третья и пятая.

Он, взяв два пустых контейнера, пошёл вперёд, а мы с Ни-

ком, подхватив наше имущество, заторопились за ним.

Грузовики, на которых мы должны ехать, стояли уже на прогреве и ждали нас неподалёку. На бортах большими буквами были нанесены надписи "Заслон", а сзади красовались порядковые номера. Сергей с Андреем взобрались в третий, а нам с Дмитрием и Ником ничего не оставалось, как погрузиться в пятый. Рядом с нашими грузовиками стоял джип, в котором два человека в форме "Заслона" крепили на перекладине довольно-таки массивный пулемёт.

Дмитрий подошёл к ним поздороваться.

– О, Дмитрий! – воскликнул один из них. – Привет! В принципе мы готовы.

– И мы тоже, – ответил Дмитрий. – Сергей, Андрей?

– Готовы.

– Ник, Виктор?

– Да я и не знаю, – честно признался я.

– Не знаю, – передразнил меня Дмитрий. – Всё. Сейчас поедем.

Ехали мы недолго. Наши машины минут пятнадцать шли по просёлочной дороге, а потом поехали по ярко цветущему полю. Я во все глаза смотрел по сторонам.

– Неужто первый раз такое видишь? – спросил Дмитрий.

– Ага, – только и ответил я.

У меня было чувство то ли радости, то ли тревоги. Я видел всё далеко вокруг, и при этом не нужны были никакие карманные фонари. Удаляющийся лес, поле с цветущими расте-

ниями, дорога, небо, затянутое низкими облаками. Впереди высокий забор, КПП, вышка с охраной. На вышке человек, смотрящий в бинокль по ту сторону.

Пока мы ехали, Дмитрий объяснял, что там, где мы живём, всегда темно. Мы это место называем Сумрак. Где едем в данный момент, называем Хмарь. Здесь силовое поле метеорита несколько слабее, от этого видимость окружающего пространства увеличивается. Но с ослабеванием защитного поля метеорита возрастает окружающий радиоактивный фон. В принципе, это нормальное явление, оно раньше так и было. А, если проехать ещё часа три вперёд, то небо станет синим-синим, вокруг станет светло, будет видно ещё лучше и дальше и можно увидеть солнце. И это мы называем Белый свет. Здесь день сменяет ночь, как когда-то десять лет назад. Из-за повышенной радиации жить человеку здесь уже невозможно. Но существуют организмы, которые могут жить в условиях жёсткого излучения. Правда, нормальными животными их назвать нельзя, так как их тела всё время перестраиваются под реалии современного мира. Их называют лаконичным словом – мутанты. Есть мутанты агрессивные и опасные. Они периодически устраивали набеги, разоряли поля, убивали домашний скот. Вот от них и был построен этот забор с колючей проволокой и электрическим током.

Мы под пристальным взглядом охранников проехали КПП. Они пожелали нам удачного дня и закрыли тяжёлые ворота. Впереди раскинулось огромное, до самого горизонта, по-

ле с кое-где изредка растущими деревцами.

Ещё какое-то время ехали по наезженной нашими предшественниками дороге, пока я не заметил впереди нечто, похожее на огромные стога высотой в три, а то и в четыре метра. Они стояли, не двигаясь, затем медленно переходили с одного места на другое. Было видно, как под этими стогами мощные, как брёвна, ноги передвигаются и перемещают огромную массу тел.

Мы подъехали к ним поближе.

– Ну, всё, – сказал мне Дмитрий. – Приехали. В общем, смотри, наблюдай.

– Хорошо, – кивнул я.

Я читал много познавательных книг, много смотрел документальных фильмов, но такое видел впервые. Из всех известных мне существ, эти не были похожи ни на что. Что можно сказать, стог сена, оплетённый лозой. Сверху почти до самой земли спускались тонкие ветви, длинные, гибкие и шевелящиеся. Они, как щупальца, простирались над травой и цветами, что-то выискивали и, захватив, устремлялись под низ. Затем, вынырнув, снова начинали поиск.

– Что это? – спросил я.

– Это мутант, – ответил Дмитрий. – Мы называем его *bos mutus*, что в переводе с латыни як безмолвный. Почему безмолвный? Так он всё время молчит. И у него есть рога, присмотришь.

И я присмотрелся. Представив себе огромного яка, пол-

ностью покрытого шерстью, заметил с одной стороны сверху небольшой выступ, а рядом два огромных рога, усеянные блестящими чёрными наростами правильной формы.

Дмитрий подошёл с той стороны к яку, сунул руку в карман и что-то оттуда вытащил.

– Хочешь покормить? – спросил он. – Подойди, не бойся, он не кусается.

Я подошёл.

– Присядь и раскрой ладонь. Да не бойся ты.

На мою ладонь Дмитрий высыпал крошки.

– Что это? – спросил я.

– Это корм.

Я присел и протянул руку.

Бык, почуяв, что ему что-то предлагают, устремил два десятка своих ветвей-щупалец к моей раскрытой ладони. Длинные, тонкие и гибкие отростки ловко хватали крошки, и устремлялись вниз. Затем снова направлялись к моей руке. И так до тех пор, пока не осталось ничего.

Мягкие щупальца смешно щекотали мою ладонь, искали в траве, будто крошки могли упасть туда, возвращались и снова вылизывали мою руку.

После того, как к моей руке прикасались щупальца удивительного существа, на моей ладони осталась какая-то субстанция ярко-жёлтого цвета.

Подошёл Дмитрий.

– Что это? – спросил я у него.

– Это цветочная пыльца, – засмеялся он. – Не бойся, смы-
вается водой.

Я вытер ладонь о штаны. На тёмно-зелёной ткани остался
большой размазанный след ярко-жёлтого цвета.

Дмитрий снова рассмеялся.

– А вот это придётся отстирывать, – сказал он

– Ай, – я махнул рукой. – Отстираю.

Дмитрий поставил перед яком небольшую ёмкость и на-
сыпал в неё из принесённого контейнера корм.

– Все, – сказал напарник. – Час в нашем распоряжении
есть. Теперь можем спокойно собирать урожай.

Он подтащил поближе пустой контейнер, открыл его и вы-
тащил оттуда широкий гофрированный рукав.

– Берём, подносим, специальное устройство снимает кри-
сталлы с рогов, и они падают прямо в контейнер.

– Так вот вы как их добываете! – воскликнул я. – А я ду-
мал, что вы где-то карьер разработали!

– Нет, – рассмеялся Дмитрий. – Нет никакого карьера.

– А как же животному, не больно? – поинтересовался я.

– Наоборот, во время слабой силовой активности живот-
ные сами приходят сюда, чтобы мы их мы очищали. Вот
смотри. На защитных рёбрах образуются наросты в ви-
де кристаллов, которые натирают щупальца. Некоторые от-
валиваются и проваливаются под шерсть, что создаёт ещё
большие неудобства животному. Мы же выручаем животное.
Двусторонняя выгода, видишь ли. Корм ему, кристаллы нам.

Дмитрий развел в стороны тонкие лозы на боку живого стога, и под ними показались толстые твёрдые, сужающиеся книзу прутья-рёбра, сплошь усеянные такими же кристаллами. Он привычными движениями поднёс раструб рукава к одному костяному пруту, и снимающее устройство тихо зажужжало, ловко снимая кристаллы и оставляя чистую, отполированную поверхность. Як мелко задрожал.

– Видишь, – Дмитрий посмотрел на меня. – Ему приятно.

Неподалёку Сергей с Андреем занимались тем же самым, а Ник, не зная, что делать, подходил то к ним, то к нам. Спрашивал, что принести, что отнести. Ребята из сопровождения смотрели за округой. Один забрался повыше и осматривал в бинокль горизонт. Другой же, запустив дрон, наблюдал на экране за нами сверху.

Время шло. Дмитрий наполнил один контейнер и принялся за другой. Я позвал на помощь Ника. Вместе мы оттащили заполненную ёмкость к грузовику и, закидывая её наверх, ударили о край кузова, да так, что отвалилась крышка.

– Да кто ж так закрывает, – пожурил Ник.

– Да нормально же было закрыто, – возразил я.

Я запрыгнул в кузов, поднял крышку и начал прилаживать её на место. Крышка вроде бы и закрылась, а вроде бы и нет. Оказалось, что выступ на крышке упирался в доверху насыпанные кристаллы и не давал ей закрыться. Я, взяв горсть блестящих минералов, сунул себе в карман, и крышка легко села на своё место.

– Вот, – сказал Ник. – Совсем другое дело.

Пока Дмитрий набирал второй контейнер, Сергей и Андрей уже собрали два, погрузили в грузовик и закрепили.

Я, не знающий, что делать и чем помочь, просто наблюдал. Кинул взгляд на ребят из "Заслона". Они о чём-то переговаривались. Как вдруг один, что управлял дроном, ткнул в монитор пальцем. Второй же, бросив смотреть в бинокль, достал из ящика два автомата и побежал в сторону машины Сергея и Андрея.

– Сворачиваемся, быстро, быстро, – прокричал он на ходу.

Он закинул автоматы с дополнительными обоймами им в кузов и побежал обратно. Я сообразил, что происходит что-то не то, и побежал к Дмитрию.

– Ещё немного, – сказал он. – Ещё минуты две.

– Боюсь, что у нас нет двух минут, – ответил я. – Надо сворачиваться.

– Хорошо, забирайте.

Когда мы закрыли задний борт грузовика, я решил поинтересоваться:

– А что случилось-то?

– Рой на подходе.

– Рой? – удивился Дмитрий. – Так вроде бы говорили, что они ещё не скоро к нам сунутся.

Военный развёл руками.

И тут я заметил на краю поля какое-то оживление. Живая

масса волнообразно двигалась в нашу сторону. Уже издали было слышно, как она верещит, что-то из неё выпрыгивало и падало обратно, а масса продолжала течь сплошной рекой.

Наша машина рванула вперёд. Я еле успел схватиться за приваренную к кузову скобу, а другой рукой за ближайший контейнер, и только сейчас сообразил, что контейнеры всё-таки можно было и закрепить. Дмитрию и Нику ничего не оставалось делать, как последовать моему примеру и сетовать, что никто из них так и не догадался закрепить груз.

Кишащая масса, заполняя собой пространство, с визгом приближалась к тому месту, где только недавно были мы. Издали я видел, как яки присели, собрав тонкие ветви-щупальца наверху, и обнажили свои мощные прутья. И когда мимо них начали пробегать визжащие особи, рёбра яков вдруг стали гибкими. Они молниеносно выбрасывались вперёд, превратившись их в грозное оружие.

Каждый прут, заострённый на конце, мгновенно впивался в тело мутанта, протыкал его насквозь и отбрасывал в сторону. Затем нацеливался на следующего. Точно и методично, словно машины. И там, куда падали безжизненные окровавленные тушки, мутанты с визгом набрасывались на свежую плоть, и затевалась борьба за лакомый кусок сородича.

Издали я так и не понял, кем были эти крысоподобные существа. Судя по всему, чувство сохранения им было не чуждо. Решив, что от огромных монстров лучше держаться подальше, они стали обходить их далеко стороной, создавая

вокруг большие проплешины пустого пространства.

Ехали мы довольно быстро, но расстояние между нами и наплывающей волной медленно сокращалось.

За нашим автомобилем рядом друг с другом ехали грузовик и джип группы поддержки. Ребята из "Заслона", сказав «пора», застрочили из пулемёта по приближающимся тварям. А наши ребята в грузовике из своих автоматов начали палить наугад одиночными выстрелами. Не попасть в движущуюся мишень было весьма трудно, и там, куда они попадали, с визгом затевалась возня, а от Сергея и Андрея доносились азартные возгласы.

– Гони, гони! – прокричал Дмитрий нашему водителю.

Было и так понятно, что водитель выжимает полный газ. Двигатель ревел и чадил густым чёрным дымом.

Впереди показались два спешащих к нам бронетранспортера со свисающими с боков турелями, на которых уже вращались дула многоствольных пулемётов.

Мы поравнялись. И тут пулемёты запели, заходя из стороны в сторону, посылая уничтожающие всё на своём пути светящиеся росчерки горячего свинца. Я всё тянул шею и пытался разглядеть, как они работают, но мы их быстро оставили, въехав в тут же закрывшиеся за нами ворота.

Мы доехали до базы и перетащили четыре контейнера кристаллов в поезд. Доехали до дома, сдали собранное, поужинали. Помню, как ко мне подошёл ректор, трепал за плечо, что-то говорил про моего отца. Видя моё состояние, ска-

зал, что утром ещё напомним. Я отправился к себе, разделся, лёг и провалился в странный сон, в котором сюрреалистично повторялось всё увиденное и услышанное за день.

Утром меня разбудил телефон внутренней связи. Звонил Дмитрий.

– Ну, что, – спросил он. – Выспался?

– Спасибо, – ответил я. – Вроде выспался.

– Ты вчера держался молодцом! Наш профессор просил тебя к нему зайти, как позавтракаешь.

– Что-то важное?

– Не знаю. Раз главный просил, значит, важное.

Я помолчал, собираясь с мыслями. Дмитрий ждал.

– Потом поем. Сначала к профессору схожу.

– Это правильно, – похвалил меня напарник. – А то вдруг что-то важное?

Мы ещё немного поговорили, и я начал собираться.

Посмотрел на свои испачканные вчера штаны. Нет, пожалуй, к начальству надо идти в чистом. Я решил попробовать оттереть жёлтую пыльцу с штанов. А когда начал это делать, из кармана высыпалась вся горсть кристаллов, которую я сунул вчера в карман. Черные, блестящие, правильной формы минералы распались по полу. Да что ты будешь делать. Ползать по полу и собирать их было уже некогда. Я просто сгрёб их первой попавшейся книгой в одну кучу, быстро оделся в чистую одежду и вышел из комнаты.

Профессор был у себя в кабинете. Когда я пришёл, в кабинете с ним был ещё один человек в военной форме и со звёздами капитана на погонах.

– Виктор, – сказал профессор. – Это Игорь Тимофеевич, капитан экспедиционной службы "Заслона". Игорь Тимофеевич, это Виктор, младший научный сотрудник.

Игорь Тимофеевич встал и протянул мне руку.

– Можно просто Игорь, не официально.

– Очень приятно, – сказал я, пожимая в ответ твёрдую жилистую ладонь.

– Ну, вот и познакомились, – профессор зачем-то подвинул на своем столе подставку с ручкой. – Виктор, – обратился он ко мне. – Игорь принёс для тебя известия о твоём отце. И хотел бы задать несколько вопросов.

Я растерялся.

– О моём отце?

– Да, – кивнул капитан. – Как давно вы виделись в последний раз?

– В последний раз? Когда мне было лет десять, он уехал в экспедицию. Он как-то приезжал, оставил мне свои записи с образцом метеорита, а потом уехал снова. А когда всё началось, он уже не вернулся.

Игорь внимательно на меня посмотрел.

– А что, если я скажу, что ваш отец жив?

– Жив? – переспросил я.

– Да, жив.

– Но как вы узнали?

– Наши радисты каждый день прочёсывают эфир. Они связываются с коллегами с разных городов, иногда ловят сигналы радиоловильщиков и выходят с ними на связь. С месяца назад мы приняли передачу на азбуке Морзе. Самое интересное, что её передавали радисты из Казани. В свою очередь те приняли передачу из Екатеринбурга, те приняли из Омска, в Омске – из Красноярска. А в Красноярске получили напрямую от некоего Ивана Викторовича Антонова научного сотрудника отдела планетологии Петербургского института космических исследований Российской Академии наук.

Игорь выдержав паузу, посмотрел на меня. У меня внутри всё перевернулось.

– И что же он передавал? – дрожащий голос выдал моё волнение.

– Было короткое сообщение: "Мы в Ванаваре. Исследуем метеорит. Нашли способ расширить границы светового потока".

– Погодите, погодите. Мой отец был в Перми. Как он оказался в Ванаваре?

Игорь развел руками.

– Это и для нас загадка. Но нам известно, что он нашёл способ увеличить эффект колпака гораздо значительно, чем тринадцать метров. Скорость, с которой мы передвигаемся, относительно небольшая из-за ограниченной зоны видимости. Представьте, что она увеличится, когда мы будем видеть

гораздо дальше, и вам не придётся заниматься установкой маяков каждые пятьдесят метров.

Наступила пауза.

– То есть, – у меня сам собой возник вопрос. – Вы хотите сказать, что мы должны найти такой же способ расширения границ? Или же собрать экспедицию в Ванавару?

Профессор хлопнул ладонью по столу и торжествующе посмотрел на капитана.

– Ну, какой же он у нас молодец! Смекалистый! Весь в отца!

– В точку! – воскликнул Игорь. – Первое хотелось бы, но это было бы чудо. А второе вполне осуществимо. Долго, трудно, но можно.

Я посмотрел на профессора.

– Аркадий Геннадьевич, я могу пересмотреть записи отца. Вдруг я что-то пропустил.

– Не надо, – отмахнулся профессор. – Этим займутся другие. Собственно, вопрос вот в чём: ты хочешь поехать в экспедицию за своим отцом?

Я потерял дар речи.

– Я? В экспедицию?

– Да, да, ты, в экспедицию.

Я почесал в затылке.

– А когда?

– У нас всё готово, – сказал капитан. – Отправление назначено на завтра. Мы подумали, что вам хотелось бы встре-

титься с отцом раньше, чем когда бы он приехал сюда, и с разрешения Аркадия Геннадьевича решили у вас спросить.

Я вскочил с места.

– Да я с радостью! Вот только вещи собираю.

– Да вы не торопитесь. Если есть какое-то незаконченное дело, то можете спокойно доделать или передать кому.

– Да вроде нет ничего, – я посмотрел на профессора. – Разве что записи отца передать коллегам для изучения. Вдруг, они и в самом деле что-нибудь придумают.

Аркадий Геннадьевич кивнул.

– Ты их мне принеси, а я, кому надо и передам. Придумаем что-нибудь.

У меня тут же возник ещё вопрос.

– Игорь Тимофеевич, – обратился я к капитану. – А откуда будет старт и как поедем?

– Хороший вопрос, – одобрил тот. – Схватываешь налету. Мы раньше хотели отправиться на вездеходах, но решили, что это заняло бы очень много времени. Сейчас же, благодаря последним разработкам нашей авиастроительной промышленности, мы можем отправиться на везделёте.

– На везделёте? – переспросил я.

– Ну, да. Есть же вездеходы, то почему бы не быть везделётам? Ваша технология активации кристаллов, которые вы собираете, даёт колоссальные возможности освобождения энергии. Вот мы и пользуемся этим даром. Наш везделёт может лететь со скоростью пешехода в десяти метрах

от поверхности земли, а подниматься может на высоту двадцати тысяч метров. Стартовать будем с территории Хмари. Взлетим на высоту десять тысяч метров, облетим метеоритный колпак поверху и потихонечку опустимся прямо в центре. Ваши учёные уже всё рассчитали, ориентиры дали максимально точные, а сейчас как раз снижение силовой активности. Там мы напрямую свяжемся с вашим отцом и найдем его.

– Как интересно, – профессор слушал, подперев щеку рукой. – Мне аж самому захотелось с вами поехать.

Капитан улыбнулся.

– Милости просим, у нас на борту вам будут только рады.

– Спасибо, но увы, у меня хватает работы. Ты, Виктор позавтракал?

– Нет ещё, Аркадий Геннадьевич.

– Вот и прекрасно. Беги завтракай, делай дела. А вы, Игорь Тимофеевич, завтракали?

Капитан улыбнулся.

– Премного благодарен, но я уже поел.

– Может, чаю?

– Чаю можно, – согласился капитан.

Меня, не церемонясь, выпихнули из кабинета, сказав, чтобы я, как штык, был завтра в восемь часов утра со всеми вещами у кабинета профессора. А сами поставили чайник и продолжили разговор.

От мыслей, что я смогу скоро встретиться с отцом, у меня

голова пошла кругом. Я летел по коридору и прикидывал, что в первую очередь нужно сделать, поделиться с Дмитрием, позавтракать или отнести записи профессору. Решил делать поэтапно и забежал к Дмитрию. Тот растрогался.

– Поздравляю, брат, – сказал он. – Ух, как я тебе завидую.

И я побежал дальше. В комнате из шкафа достал коробку, в которой хранились записи отца. Рядом с коробкой на видном месте лежал кусок метеорита, привезённого отцом. Когда я брал с полки коробку, случайно задел его и он, упав, загремел по полу. Если честно, мне было не до него. Мне нужно было передать записи, а эти камешки, изученные вдоль и поперёк, никак не помогли бы моим коллегам. Поэтому я, даже не взглянув, куда укатился камень, вылетел из комнаты и быстрым шагом направился в столовую.

Там встретил коллег, быстро впихнул в себя еду и отправился передавать записи профессору. Аркадий Геннадьевич с капитаном всё ещё пили чай и о чём-то продолжали беседовать.

Я передал коробку с записями профессору, а когда выходил, меня чуть не сбил с ног заведующий лабораторией.

– Профессор! Профессор! – начал он чуть ли не заикаясь.

– Илья Николаевич, да что случилось?

– Посмотрите в окно!

Заведующий указал рукой на окна, выходившие на улицу.

Мы высыпали в коридор. Вместо чёрной тьмы, которую привыкли всегда видеть, и фонарных пятаков на тротуаре

увидели улицу, простирающуюся далеко вперёд.

– Таки нашли способ, Аркадий Геннадьевич? – спросил профессора капитан.

– Право слово не знаю, Игорь Тимофеевич, – ошеломленно почесал бороду профессор. – Мне бы непременно доложили.

На улице был виден тротуар, зеленеющий газон с цветами, дальше шли технические сооружения, дорога, идущая вдоль оградительного забора с колючкой, за забором редкие деревья. И всё это пространство, хоть и серое, но вполне видимое, как видел я, когда мы ездили в Хмарь, заканчивалось непроглядной тьмой. Но это видимое пространство было не в тринадцать с лишним метров, а гораздо, гораздо больше.

На этаже начали собираться галдящие и выдвигающие гипотезы одна фантастичнее другой сотрудники. Сквозь гвалт разногласия профессор спросил:

– Кто это сделал?

Его не слышали.

– Кто это сделал? – повторил он.

Гомон не прекращался.

– Того, кто это сделал, прямо сейчас Нобелевкой награжу! – рявкнул профессор.

И наступила тишина. Профессор указал пальцем вдоль коридора.

– Найдите мне, кто это сделал, и притащите его сюда!

Сотрудники, тихо перешептываясь, тут же испарились в

направлении, куда указывал перст начальства. А я, всё ещё занятый собственными мыслями в предвкушении завтрашнего дня, продолжал пялиться в окно, пока не остался один. Опомнившись же, направился к себе, размышляя, что ещё надо сделать перед отъездом.

Вокруг бегали, суетились, спрашивали друг у друга, искали кого-то в лаборатории, кого-то звали, спрашивали меня о чем-то, а я никак не реагировал. В итоге от меня отставали и уносились дальше.

Я открыл дверь своей комнаты, и в глаза мне бросился упавший фрагмент метеорита посреди круга из кристаллов.

Первой мыслью было, что кто-то решил пошутить и специально их разложил в таком интересном виде. Я точно помню, что закрывал за собой дверь. Да и кому пришло бы в голову ради какой-то шутки вламывается в мою комнату.

Я подошёл к этому сооружению. Блестящие минералы мелко вибрировали, образуя собой ровный круг, а в самом центре вокруг своей оси медленно вращался обломок метеорита.

Я потянул руку и почувствовал лёгкое покалывание в кончиках пальцев. Мне стало любопытно, а что если я подниму обломок? Поднял. Ничего. И тут заметил, что за окном вдруг потемнело, а покалывание в пальцах и вибрация кристаллов прекратились. Положил обломок на место. Вибрация возобновилась, а за окном снова стало светло. Вверх, вниз, темно, светло.

И тут до меня дошло, что это я стал виновником этого чуда. Сунул в карман фрагмент, в другой карман сгрёб все кристаллы и помчался, сломя голову, к Аркадию Геннадьевичу.

Я смутно помню, что потом было. Помню, как постучался в кабинет профессора. Капитан всё ещё был там. Я разложил на столе кристаллы, как они лежали у меня, и вложил в круг кусок метеорита. Поднял, опустил. Помню, как мне долго трясли руку, хлопали по плечу сначала профессор, затем капитан. В кабинете образовалась толпа учёного совета. Все они трясли мне обе руки, хлопали по плечам. Шутили, смеялись, строили грандиозные планы. Меня куда-то потащили. Пришёл в себя на сцене актового зала. Что-то энергично говорил в микрофон, вспоминал прошлый день и как всё получилось. Затем всё пришлось повторить ещё раз приехавшему к нам руководству из "Заслона". Снова трясли мне руку, снова смеялись, шутили и хлопали по плечу. Помню, как кто-то сунул мне пустой бокал в руку. Тут же в потолок полетела одна пробка, затем другая, третья. Но когда услышали, что я не пью, бокал с шампанским забрали и сунули бокал с соком. Появилась закуска в виде бутербродов с колбасой. Начали произносить тосты. Помню, как пришёл в себя только в своей комнате, чтобы лечь в кровать и провалиться в сон, повторяющий всё, что произошло за день.

Меня разбудил стук в дверь. На пороге стоял Дмитрий.

– О! – сказал он. – Проснулся! Вроде бы не пил, а вид имеешь, скажу тебе. Давай, одевайся. Пойдём позавтракаем,

и я тебя провожу.

Мы снова ехали на поезде в сторону Хмари. Всю дорогу Дмитрий что-то говорил, давал наказы перед дорогой, я кивал, что-то отвечал.

Наконец, он мне нахлобучил гермошлем на голову, застегнул. Надел шлем и себе. И мы в сопровождении одетых в такие же защитные скафандры людей вышли из поезда.

Я отчётливо услышал голос у себя в наушниках.

– Ну, всё, Виктор, удачи.

Дмитрий хлопнул меня по плечу. В наушниках послышался другой голос:

– Отряд, стройсь! Все на месте? Все! Груз в грузовой отсек. Кристаллы взяли? Взяли! Молодцы! Заходим. Садимся. К взлёту готовы? Готовы!

Я почувствовал, как меня вжало в кресло, накатило какое-то чувство ностальгии, память выдала воспоминания из далёкого детства.

Ну, что, папа, я лечу к тебе. Надеюсь, скоро увидимся.

Дмитрий стоял на платформе и смотрел, как взлетает наш везделёт. Затем он помахал рукой, ещё немного постоял, глядя в небо, и пошёл в поезд.